

Движение Сопротивления и империалистическая конфронтация в Северной Африке

Американцы, высадившиеся в Алжире в ноябре 1942 года, сделали ставку на заключение соглашения с вишистами, но эти попытки провалились, и контроль остался за Шарлем де Голлем. После высадки в Нормандии в июне 1944 года в игру во Франции вступили партизаны, их действия были эффективными, но часто импровизированными, и нацистское отступление сопровождалось свирепой резнёй (Michel H., La guerre de l'ombre, 1970).

Союзники хотели взять столицу путём переговоров с немецким командованием, но Французский комитет национального освобождения (ФКНО), возглавляемый сталинистами, начал восстание, а затем обратился за внешней помощью. Первой в Париж вошла французская танковая дивизия Филиппа Леклерка, которой де Голль телеграфировал: «Поторопитесь, мы не можем позволить себе ещё одну Коммуну».

Приехав в Париж, де Голль сформировал правительство национального единства, включив в него Французскую коммунистическую партию (ФКП). Лидер сталинистов Морис Торез, только что вернувшийся из СССР, где он укрылся в начале конфликта (в 1940 г.), одобрил роспуск партизанских отрядов и выступил против забастовок. Торез считал, что «величие Франции нужно восстановить». Де Голль комментировал: «Это просто политическая тактика? Я не хочу в это углубляться. Достаточно того, что они послужат Франции» (Claudin F., La crise du mouvement communiste, 1972).

Антифашизм и колонии

“Демократические и антифашистские” державы-победительницы поспешили восстановить контроль над своими колониями и разделить колонии проигравших. Хо Ши Мин начал переговоры о независимости Французского Индокитая, но без какой-либо поддержки со стороны социал-демократов и сталинистов. Торез вновь заявил, что он «отнюдь не сторонник ликвидации французского флага в Индокитае». В ноябре 1946 года морская бомбардировка крупного вьетнамского порта в г. Хайфон, унёсшая жизни 6 тыс. человек, положила начало войне за независимость против французов, а затем против американцев, которая продлится 30 лет.

В Алжире, Марокко и Тунисе надежды на национальную независимость были подавлены. Также в марте 1947 года были подавлены демонстрации в поддержку независимости в других французских колониях Сенегале и Мадагаскаре: за беспорядками последовали кровавые массовые убийства, унёсшие жизни 80 тыс. человек.

Забастовка на заводе Renault

Иван Крайпо, ведущий лидер троцкистского IV Интернационала во время войны, реконструировал события, связанные с деятельностью Движения Сопротивления, в двух томах. Введение к первому тому “Contre vents et marées” (1977) предельно ясно: «Историки, со своей стороны, могут рассказывать о годах войны в соответствии с мифом о национальном единстве. Из этой истории исчезает классовая борьба». С этой точки зрения, французы разделились на два лагеря: меньшинство, сотрудничавшее с немцами, и большинство, воевавшее на стороне союзников или возлагавшее на них свои надежды. Поэтому, «в отличие от Первой мировой войны, не было революционной оппозиции, враждебной к union sacrée и нацеленной на превращение империалистической войны в гражданскую».

«Это оскорбительное упрощение, – возражает Крайпо, – с политикой union sacrée боролись в разных формах внутри самой ФКП (эпизодически), а также несколько групп милитантов – от левых социалистов до “ультралевых”, включавших тех, кто объявил себя членами IV Интернационала»: «Теперь их история должна быть написана».

Но мы сосредоточимся на эпизоде, реконструированном Крайпо в его втором томе “La libération confisquée: 1944–1947” (1978), – крупной забастовке на заводе Régie Renault в апреле-мае 1947 года, которая произошла, когда Франция уже вышла из войны, но подобный прецедент произошёл и во время парижского восстания. 22 апреля на заводе Renault «по наущению молодого работника UCI 1000 рабочих 6-го отдела решили начать

забастовку». Это был Пьер Буа, 25-летний рабочий технического обслуживания, член Интернационалистического коммунистического союза (UCI) – троцкистской группы, руководимой милитантом Барта, из которой родилась Lutte Ouvrière. Поскольку *«профсоюз не удовлетворил их требований [существенное увеличение зарплаты, не связанное с производительностью], они избрали забастовочный комитет, [и] за ним немедленно последовали комитеты 18-го отдела, находящегося под влиянием ячейки PCI»* (Интернационалистической коммунистической партии – ещё одной троцкистской группы, связанной с IV Интернационалом, членом которой был Крайпо).

Забастовка охватила почти все 30 тыс. сотрудников. ФКП, входящая в правительство национального единства вместе с социалистами и контролирующая ВКТ, осудила *«сговор гитлеровцев-троцкистов»* с руководством и американским империализмом и даже возглавила нападения на бастующих.

Однако забастовки продолжились в массовом масштабе, и стачечный комитет пытался распространить борьбу на другие компании, ещё больше *«конфликтую»* со сталинистами, которые, к тому же, чувствовали себя непринуждённо, когда забастовки выходили за пределы крупного завода. Таким образом, 8 мая ФКП получила большинство на большом собрании и постепенно *«восстановила направление движения»*.

Со своей стороны подчеркнём: этот значительный эпизод рабочей борьбы в Европе, всё ещё находящейся в смятении, демонстрирует, что каждое классовое столкновение всегда должно пониматься и проводиться не только и не столько в отношении его динамики в рамках отдельной корпорации, а должно находить своё место в общей политике, которая является национальной и международной.

«Слабость движения – это слабость его лидеров», – пишет Крайпо, вступая в полемику с троцкистским движением, из которого он затем ушёл, присоединившись к левым социалистам. Мы не будем вдаваться в суть спора, но его наблюдения конкретны: началось столкновение между США и СССР, так называемая “холодная война”, и ФКП сначала выступила против забастовки, чтобы не поставить под угрозу своё присутствие в правительстве, а затем стала выяснять причины её проведения, когда компартию исключили из исполнительной власти.

Последствием этого, по мнению Крайпо, было то, что *«с того момента, когда ФКП, перейдя в оппозицию, снова поддержала требования рабочих, она нашла контакт с массами. В то же время троцкистское движение, послужившее детонатором борьбы за их права, так и не смогло заставить их перейти на более высокий уровень сознания. Сыграв роль путеводного света, оно оказалось в изоляции»*.

Резня в Сетифе

Ромен Райнеро в *“Storia dell’Algeria”* (1959) реконструирует длительную борьбу алжирцев за независимость от Франции. Уже во время первой мировой войны Париж призвал в армию 200 тыс. алжирцев, 50 тыс. из которых погибли, однако *«в порядке вещей были дезертирство и побеги»*. По возвращении с фронта их надежды на автономию и независимость своей страны сразу же жестоко рухнули.

В связи с аналогичным прецедентом, когда в 1942 году в Северной Африке высадились американцы, алжирцев начали призывать во французскую армию, это вылилось в их массовое уклонение. Ферхат Аббас, тогдашний лидер индпендистов, 20 декабря направил властям такое послание: *«Эта война не является войной за освобождение народов без различия расы или религии. Несмотря на данные ему обещания и принесённые жертвы, коренное население Алжира лишено свобод и основных прав, которыми пользуются другие»*.

Де Голль послал управлять Алжиром генерала Катру. Последний приказал арестовать Аббаса и заявил: *«Необходимое будет сделано в самое подходящее время на основе единства Франции и Алжира, единства, которое представляет собой догму. Франция никогда не согласится на независимость Алжира, который является её неотъемлемой частью»*.

Райнеро продолжает: после больших празднований 1 мая 1945 года в главных городах Алжира, 8 мая в Сетифе *«инспектор французской полиции выстрелил в манифестантов из числа коренного населения во время демонстраций, созданных по случаю победы союзников. Вскоре протест перерос в открытое восстание»*.

Было объявлено военное положение, «части [Иностранного легиона], находящиеся в боевой готовности», с помощью бронетехники, авиации и даже ВМФ «начали систематические облавы на территории, ставшей ареной националистических волнений. В ходе этой операции было сровнено с землёй 44 деревни. Расстрелы, поджоги и массовые казни подавляли любое сопротивление». Потери, по данным алжирских источников, достигли 45 тыс. человек, к которым следует добавить 4.650 арестов с суровыми приговорами. По мнению Райнеро, «можно сказать, что искра, которая впоследствии привела к восстанию в ноябре 1954 года, родилась в Сетифе».

Арриго Черветто, комментировавший этот текст в статье «Алжирский вопрос и колониалистский оппортунизм французских парламентских левых» (La questione algerina e l'opportunismo colonialista della sinistra parlamentare francese // Prometeo. 1960. Marzo. No 1), отмечал, что линия правительства была молчаливо одобрена входившими в него социалистами и сталинистами, которым «даже не хватило совести покинуть правительство», когда была совершена резня.

По мнению Черветто, «в Сетифе завершилась постыдная глава оппортунизма французской левой, сознательно разделяющей ответственность за колониалистскую политику ФКНО и первого правительства Де Голля. Сетиф не был импровизированной “атомной бомбой”, даже если в результате преступления установилось трагическое “побратимство” с Хиросимой и Нагасаки; Лос-Аламос и Сетиф ведут своё начало от Народного фронта и ФКНО»¹.

Июль – август 2023 г.

¹ - Черветто А. Унитарный империализм. В 2 т. Т. 1. Киров: Марксистская наука, 2005. С. 322.